

О пользѣ трезвости и о вредѣ пьянства.

(Извлечено изъ писемъ знаменитаго педагога и профессора Московскаго университета С. А. Рачинскаго).

2-го мая 1902 года скончался знаменитый педагогъ, бывший профессоръ Московскаго университета Сергѣй Александровичъ Рачинскій, посвятившій большую половину своей жизни народному учительству въ излюбленномъ на Руси церковномъ направленіи. Обнародывая эти выдержки изъ его писемъ о трезвости, мы, по мѣрѣ силъ своихъ и умѣнія, хотимъ лишь содѣйствовать исполненію его собственнаго желанія. «Дай Богъ,— писалъ онъ (28-го марта 1898 года) въ «предисловіи» къ печатному сборнику ихъ,— чтобы неожиданно для меня издающійся сборникъ принесъ какую либо пользу людямъ, его читающимъ!» Дай-то Богъ!

С. А. Рачинскій отмѣчаетъ древнее происхожденіе обществъ трезвости по даннымъ Библіи. Уже «книга Чиселъ замѣчаетъ онъ въ одномъ письмѣ, говорить о назорействѣ (съ коимъ соединялся обѣтъ абсолютной трезвости), какъ объ институтѣ существующемъ, давно извѣстномъ»,— а въ книгѣ Судей (гл. 8) мы находимъ драгоцѣнное дополненіе къ гл. 6-й кн. Чиселъ, посвященной изложенію предписаній, относящихся къ назорятамъ. Обѣты назореевъ допускались двоякіе: пожизненные и временные; въ обоихъ случаяхъ первымъ условіемъ ставилась абсолютная трезвость. Эта почтенная родословная нашихъ современныхъ обществъ трезвости доказываетъ намъ, какъ рано люди, ревнующіе о свободѣ духовной, нашли нужнымъ оградить ее именно отъ расслабляющаго дѣйствія спиртныхъ напитковъ, какъ рано это спасительное самоограниченіе освящено благословеніемъ Церкви. Въ виду этого послѣдняго обстоятельства вполне естественно, что теперь, когда «усиленіе пьянства во всѣхъ сословіяхъ вызвало (особую) форму борьбы противъ возрастающаго зла, духовенство, самими Св. Синодомъ настойчиво побуждается способствовать борьбѣ съ пьянствомъ и словомъ, и примѣромъ. Дѣйствительно, борьба съ пьянствомъ есть дѣло по преимуществу пастырское» «*Въ крайне нужное дѣло*» открытія обществъ трезвости должно быть въ вѣдѣніи Церкви и духовенства по причинѣ той «специально-церковной стороны дѣла», по которой, вслѣдствіе «чудовищнаго усиленія (въ Россіи) пьянства за послѣднія десятилѣтія, церкви наши пустѣютъ, усердный священникъ лишается возможности дѣйствовать проповѣдію церковною на свою паству; ибо эта паства во время службъ въ ка-

бакѣ. И это происходитъ въ такой моментъ, когда прививаютъ грозныя разиѣры рационалистическія секты, поднимающія знамя абсолютной трезвости! Ибо «темные проповѣдники штунды могучимъ оружіемъ трезвости привлекаютъ въ себѣ еще болѣе темныхъ послѣдователей. Молоканинъ — грамотѣй издаетъ воззваніе о трезвости, которое могъ бы подписать любой православный». А въ Западной Европѣ съ тою же цѣлью учреждена пресловутая «армія спасенія», всѣ члены коей (ихъ около 23000) «придерживаются абсолютной трезвости», вслѣдствіе чего «нравственное вліяніе арміи» на низшіе слои населенія Англіи громадное. Главная газета арміи («Военный кличъ») расходится въ 300000 экземпляровъ. Въ фабричныхъ центрахъ, посѣщаемыхъ отрядами «арміи», во все время пребыванія въ нихъ отрада, кабаки остаются совершенно пустыми. Каждое такое посѣщеніе оставляетъ за собою многочисленныхъ, добровольно подчинившихся строгой нравственной дисциплинѣ арміи. Нравственный успѣхъ, достигнутый арміей спасенія, зависитъ исключительно отъ элементовъ несомнѣнно церковныхъ, вошедшихъ въ ея устройство... Совершенно церковна строгая нравственная дисциплина, господствующая въ арміи, и въ высшей степени желательно, чтобы такая же дисциплина установилась въ Церкви, не только въ теоріи, но и на практикѣ... Мы должны стыдиться того, что, при обладаніи полнотою истины, принадлежащей сынамъ православной Церкви, намъ еще приходится учиться многому отъ такого общества, какъ «армія спасенія». Поэтому, «не ясно ли, какъ день, что это знамя (трезвости), это оружіе должно быть выхвачено нами изъ рукъ врага»? Кромя того, даже «всякій искренній мусульманинъ абсолютно трезвъ. Мусульманскій міръ избавленъ отъ одного изъ позорнѣйшихъ бичей міра христіанскаго. Пьянство христіанъ для мусульманъ — постоянный соблазнъ: оно есть нарушеніе заповѣди ихъ пророка, и влечетъ за собою, на каждомъ шагѣ, наглое отвратительное нарушеніе тѣхъ заповѣдей Христовыхъ, которыя у насъ на устахъ». «Докогда мы будемъ терпѣть, чтобы очевидные факты подтверждали, въ глазахъ людей темныхъ, кощунственное отождествленіе православія съ пьянствомъ!» А фактовъ такого рода довольно много, и всѣ они очень разительные. С. А. Рачинскій вспоминаетъ, напримѣръ, смерть одного школьника-мальчика изъ бѣдной пьяной семьи. «Онъ не терялъ сознанія, самъ потребовалъ приобщенія, радостно приобщился, радостно говорилъ о своихъ похоронахъ. Смерть его не страшна. Болея онъ только возвращенія въ домашній адъ». А вѣдь на Руси, замѣчаетъ при этомъ С. А.,

«милліоны дѣтей, томящихся въ такомъ же аду». «Безпрестанно повторяются звѣрскія убійства, вызванныя одною водкою», въ свою очередь часто влекущая за собою самоубійство убійцы. О томъ, до чего доводитъ пьянство, «лучше несравненно, чѣмъ могъ бы говорить я,—пишетъ Рачинскій,—говорять (сами) безграмотные крестьяне, въ особенности возобновляющіе свои обѣты, испытавшіе всѣ ужасы пьянства, и затѣмъ радость избавленія отъ постыднаго рабства»¹⁾. Многочисленные случаи убійствъ и другихъ преступленій, совершаемыхъ «подъ пьяную руку» объясняются тѣмъ, что употребленіе спиртныхъ напитковъ, даже въ количествахъ, не производящихъ послѣдствій, рѣзко безобразныхъ, расслабляетъ волю»²⁾. А «вслѣдъ за упраздненіемъ воли притупляющее дѣйствіе спиртныхъ напитковъ погашаетъ и разумъ, обезсиливаетъ любовь къ ближнему», такъ что «усиливающаяся привычка къ спиртнымъ напиткамъ влечетъ за собою медленный, подчасъ и страшно быстрый процессъ разложенія» всѣхъ духовныхъ силъ человека. Правда и «трезвость еще не есть нравственность. Но она необходимое условіе всякаго нравственнаго преуспѣянія. Алкоголь отравляетъ и, наконецъ, убиваетъ волю—источникъ всякаго нравственнаго дѣланія».

Въ отвѣтъ на свой призывъ: «разорвать, сбросить съ себя это позорное ярмо», Рачинскій, по его собственнымъ словамъ, «безпрестанно слы-

¹⁾ Письмо XXXI, стр. 39; при этомъ С. А. сообщаетъ одинъ изъ многочисленныхъ фактовъ въ указанномъ родѣ. «Крестьянинъ, извѣщавшій злобу на своего солда, подвоилъ въ набавъ молодого забулдыгу съ тѣмъ, чтобы онъ прикололъ его недруга. Порученіе это было исполнено слишкомъ усердно. Пьяный истодой не могъ соразмѣрить силу своихъ ударовъ и убилъ свою жертву на мѣстѣ. На другой день убійца, въ принадлежъ раскаянія, пытался застрѣлиться: это и повело къ открытію ея виновности». «Вотъ разсказъ (или собственно «смыслъ разсказа, а не складъ рѣчи», въ дѣйствительности, по признанію С. А., «во сто разъ болѣе живой и сильный») одного изъ нихъ: «Шелъ я домой изъ города, съ 40 заработанными рублями. Шелъ я съ радостью, ибо зналъ, что дома горькая нужда, что отецъ долже работать не въ силахъ, что меня ждутъ не дождутся. Но дорогой почувталъ меня нечистый. Я зашипъ, и на 3-й день у меня вытѣщали изъ пазуха всѣ оставшіяся у меня деньги,—не знаю сколько. И вотъ лежу я, совершенно пьяный, въ набавъ подъ лавочкою. И представилось мнѣ, что домой безъ денегъ вернуться нельзя, что и жить мнѣ на свѣтѣ больше не слѣдуетъ. Вспомнилъ я, что на стѣнѣ виситъ ружье, всталъ, ощутилъ силу его, приставилъ къ груди и спустилъ курокъ. Ружье выстрѣлило, но прострѣлило только мою одежду. И вдругъ вѣсь хиталъ съ меня спавъ, и мнѣ предетавился ясно и грѣхъ пьянства, и страшный грѣхъ, отъ котораго спасъ меня Господь, что я тутъ же рѣшился никогда болѣе не пить ни капли вина. 8 лѣтъ я уже не пью, усамышалъ я о вашемъ трезвомъ обществѣ и подумалъ, что дѣло мое непрочное, пона оно не заирѣчено цѣлованіемъ иконы и креста, и пришелъ въ Вавъ» (Письмо XXIX, стр. 37).

²⁾ Письмо V, стр. 8.

шалъ (и при томъ даже отъ священниковъ), что предлагаемое имъ дѣло слишкомъ трудно, даже невозможно». «Конечно, оно болѣе, чѣмъ трудно, — соглашается и самъ С. А., — оно неисполнимо человѣческими силами. Но не ими оно и совершается, а помощію Божіею; помощь же эта дается лишь тѣмъ, которые напрягаютъ *все свои* силы». «Предлагаемое иною дѣло (т. е. обѣтъ трезвости), — говоритъ онъ, — (только) для людей зрѣлыхъ и старыхъ тягостно. Для юношей же оно легко». «Для этого нужна только собственная ваша воля, собственная ваша молитва», пишетъ онъ одному юношѣ. Особенно нужно охранять дѣтей, чтобы они «безсознательно не возложили на себя (эту) позорную цѣпь, которую будутъ влечь до гробовой доски, ибо алкоголизмъ, привитый въ дѣтствѣ, упоренъ и едва побѣдимъ. Онъ въ корень подрываетъ волю, обращаетъ человѣка въ тряпку, обрекаетъ его на животное прозябаніе или на изнурительную борьбу съ губительнымъ позывомъ, — борьбу, слишкомъ часто кончающуюся сумасшествіемъ, раннею смертію». «Научить же дѣтей трезвости такъ легко! — замѣчаетъ Рачинскій — стоитъ только быть трезвымъ самому и искренно полюбить дѣтей, которыхъ поручить намъ Богъ».

Чтобы предотвратить такую опасность, нужно удалить отъ нихъ всякій соблазнъ къ тому — особенно въ лицѣ ихъ наставниковъ-руководителей, такъ какъ нетрезвость послѣднихъ наводитъ юныхъ питомцевъ на мысли: «видно такъ и слѣдуетъ жить людямъ образованнымъ. Веселая эта жизнь, она должна предстать и намъ... Но почему же не попробовать этого веселья и теперь? Вѣдь пьютъ же многіе изъ товарищей и съ рукъ сходить... И онъ пробуетъ. Первая рюмка подки его приводитъ въ совершенное опьяненіе, возбуждаетъ въ немъ пріятныя грезы, и эта первая рюмка часто рѣшаетъ его судьбу. Онъ не упуститъ случая доставить себѣ это смутное наслажденіе... Позывъ превращается въ привычку, привычка въ потребность властную, непобѣдимую» ¹⁾.

«На абсолютной трезвости» настаиваетъ С. А. Рачинскій и «для людей молодыхъ, находящихся въ періодѣ, въ коемъ слагается и крѣпится воля», почему онъ и предлагаетъ имъ «срочные обѣты трезвости, периодически возобновляемые» (ибо «за человѣкомъ для того, чтобы окрѣпла его воля, должна быть оставлена разумная мѣра свободы»). «Вполнѣ допускаю возможность умѣреннаго, безвреднаго употребленія спиртныхъ напитковъ, —

¹⁾ Письмо III, стр. 4.

говорить Рачинскій, — примѣры его у всѣхъ на глазахъ. Но отрицаю эту возможность для людей, съ волею не окрѣпшею, съ характеромъ не сложившимся. Они не въ силахъ противустоять разслабляющему дѣйствию первой рюмки вина; за этою первою рюмкою всегда можетъ послѣдовать вторая, третья и десятая». «А чтобы этотъ жорновъ, который сами мы возлагаемъ себѣ на выю (разумѣется привычка къ вину), не потянулъ васъ ко дну, — пишетъ онъ юношеству, — не возлагайте его на себя; если онъ уже возложетъ, сбросьте его! Дайте окрѣпнуть вашей волѣ до той степени, при которой винопитіе не можетъ болѣе сдѣлаться привычкою, а до тѣхъ поръ не пейте вовсе вина! Это — единственное средство, чтобы обезпечить за собою величайшее изъ благъ земныхъ, чтобы сохранить его за собою и за тѣми человѣческими душами, которыя будутъ ввѣрены вашему попеченію. Ибо, если вы погибнете въ борьбѣ со злымъ порокомъ, вы погибнете не одинъ, а погубите тысячи ближнихъ». «Вы скажите, — пишетъ онъ тому же юношеству въ другомъ письмѣ: «хорошо человѣку старому, отжившему, проповѣдывать отреченіе отъ того, что его болѣе не привлекаетъ. Но молодость имѣть свои права. Ей нужны радость и веселье. Нужно, чтобы человѣку было чѣмъ ее помянуть. Недаромъ поэты всѣхъ вѣковъ и народовъ воспѣваютъ вино и любовь, любовь и вино». Да, всѣ поэты воспѣвали вино, — соглашается С. А. Но всѣ истинные поэты воспѣвали и кое что другое. Раскройте Пушкина.

Безумныхъ лѣтъ угасшее веселье
 Мнѣ тяжело, какъ смутное похмѣлье.
 Но какъ вино — печаль минувшихъ дней
 Въ моей душѣ, чѣмъ старѣ, тѣмъ сильнѣй.
 Я вижу въ праздности, въ неистовыхъ играхъ,
 Въ безумствѣ гибельной свободы,
 Въ неволѣ, въ бѣдности, въ чужихъ степяхъ
 Мои утраченные годы.
 Я слышу вновь друзей предательскій привѣтъ,
 На играхъ Вакха и Киприды,
 И сердцу вновь наноситъ хладный свѣтъ —
 Неотразимыя обиды...
 Воспоминаніемъ смущенный
 Исполненъ сладкою тоской,
 Сады прекрасныя, подъ сумракъ вашъ священный

Вхожу съ поникшею главою.

Такъ отрокъ Библии—безумный расточитель,

До капли истощивъ раскаянья фιάль,

Увидѣвъ наконецъ родимую обитель,

Главою поникъ и зарыдалъ!...

А вѣдь «истинный Пушкинъ не въ легкихъ юношескихъ стихотвореніяхъ, непризнанныхъ авторомъ, а въ этихъ мощныхъ и скорбныхъ аккордахъ его отрезвѣнной, высоко настроенной лиры. Юность прекрасна, столь прекрасна, что бросаетъ свой повъчическій отблескъ даже на смутныя забавы юныхъ лѣтъ. Но не надолго. Быстро блекнетъ отъ этихъ забавъ ея сила и прелесть. Меркнетъ ясность мысли, никнетъ бодрость воли, гаснетъ чистый пламень, озаряющій года неиспорченной юности. Чтобы воскресить ея радостную бодрость, становится нужнымъ искусственное возбужденіе пировъ, лишь на мгновенія вызывающее призракъ прежняго духовнаго строя. Скоро исчезаетъ и этотъ призракъ. Жизнь застилается сплошною мглою, отравляется непобѣдимою тоскою, которую вино въ силахъ лишь временно заглушить, но не можетъ уже замѣнить настроеніемъ болѣе свѣтлымъ». С. А. напоминаетъ юношамъ извѣстныя слова Ап. Павла («не упивайтесь виномъ»... Еф. 5, 18), говоря: «берегитесь вина, въ немъ же есть блудъ», ибо оно ведетъ ко всякому прелюбодѣйству, въ томъ числѣ и къ «прелюбодѣйству мысли», ибо неминуемо создаетъ разладъ между сознаниемъ и волею, между словомъ и дѣломъ. Въ тѣснѣйшей связи съ привычкою къ вину находится множество другихъ привычекъ, непохвальныхъ — привычка къ карточной игрѣ, къ легкому чтенію, къ зрѣлищамъ, лишеннымъ всякой художественности, къ пустымъ разговорамъ и т. п., а всѣ эти привычки сколько поглощаютъ умственныхъ и нравственныхъ силъ, не говоря уже о времени.

«Не грѣшимъ ли мы, проповѣдуя воздержаніе, коему не находимъ примѣра въ земной жизни Спасителя», который «несомнѣнно пилъ вино («Приде Сынъ человѣческой яды и пій»)... Мф. XI, 19; «Не имамъ пити огниѣтъ отъ сего плода лознаго»...— XXVI, 29),— спрашиваетъ Рачинскій и отвѣчаетъ: «полагаю, что нѣтъ. И это по слѣдующимъ причинамъ. Никому изъ разумныхъ проповѣдниковъ трезвости никогда не приходило на умъ считать за грѣхъ умѣренное употребленіе легкихъ виноградныхъ винъ, не производящее никакого опьяненія. Грѣхъ заключается именно въ приведеніи себя въ это состояніе какими бы то ни было средствами: виномъ ли, водкою,

опіемъ или гашишемъ. Спаситель, принявшій на Себя естество человѣческое, не могъ пить вина иначе, какъ въ мѣрѣ абсолютно безгрѣшной.

Въ виду всѣхъ этихъ соображеній и доказательствъ, говорящихъ въ пользу трезвости, С. А. Рачинскій настойчиво «побуждаетъ и умоляетъ» всѣхъ, «особенно же тѣхъ, которые призваны руководить другими, воспитывать ихъ и назидать, т. е. учителей и духовенство»,—«послѣдовать его примѣру»—быть абсолютно трезвыми. Только «съ тѣхъ поръ, какъ я далъ и исполняю обѣтъ трезвости,—пишетъ онъ,—за мною пошли тысячи. Если мірянинъ, сельскій учитель, затерянный въ безвѣстной глуши, такимъ путемъ собралъ около себя столько союзниковъ, возбудилъ отголоски во всѣхъ углахъ Россіи, чего не могли бы достигнуть Вы,—обращается онъ къ духовному юношеству, какъ будущимъ учителямъ и пастырямъ,—призванные проповѣдывать Слово Божіе на мѣстахъ самыхъ видныхъ, призванные наставлять сотни и тысячи будущихъ пастырей?

Морского корпуса священникъ *Димитрій Поликарповъ.*

